

Статья / Article

Малозёмова Е. И. Холодное оружие и ритуально-театрализованные представления в Иране // Историческое оружиеведение. — 2020. — № 8. — С. 151 — 189.

Malozyomova E. I. Holodnoe oruzhie i ritual'no-teatralizovannye predstavleniya v Irane [Edged Weapons and Ritualized Theatrical Performances in Iran]. *Istoricheskoe oruzhievedenie* [Weapons History Journal], № 8, pp. 151 — 189.

Received: 03 March 2020 / Accepted: 17 March 2020 / Published: 22 March 2020

Copyright © 2020 The Author, The Center of Support and Development of Actual Research in the Field of Historical Weaponry (АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области Исторического оружиеведения»). This is an open access article distributed under the terms of the Creative Commons CC-BY license ([CC BY 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

№8, 2020

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-63760 от 16.11.2015 г.

ISSN: 2713-1491

eLIBRARY ID: 57987

Издатель: АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения»

Свидетельство Министерства юстиции Российской Федерации от 22.07.2015 г.

Учетный № 7714056109

Copyright © 2020 авторы, АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения».

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Е. И. Малозёмова

**Холодное оружие и ритуально-театрализованные представления
в Иране¹**

Edged Weapons and Ritualized Theatrical Performances in Iran

Малозёмова Елена Игоревна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела «Арсенал» Государственного Эрмитажа, старший преподаватель кафедры Междисциплинарных исследований в области языков и литературы факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Dr. Elena I. Malozyomova — Researcher of The State Hermitage Museum, assistant professor, Faculty of liberal arts and sciences, Department of Interdisciplinary Studies in the field of Languages and Literature St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

elena.malozyomova@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу ряда предметов холодного оружия Ирана, лишенных выраженных боевых свойств, но выразительно оформленных, из собрания РЭМ и МАЭ РАН. Такие предметы, разнообразные по типам (сабли, мечи, кинжалы, секиры, защитное вооружение) составляют значительную часть музейных коллекций иранского холодного оружия и, очевидно, в больших количествах производились в Иране, откуда и попадали в музеи либо, что важно, напрямую, либо через антикварные рынки Европы и России второй половины XIX – начала XX вв.

На основе комплексного анализа как самих предметов, так и письменных источников, а также исследовательской исторической и этнографической литературы автор вписывает их в контекст иранской культуры XIX столетия, связывая с участием в ритуальных действиях, совершавшихся в период ашуры, т. е. десяти первых дней месяца мухаррам мусульманского лун-

¹ Статья написана в 2009 г. Публикуется впервые. (Примеч. ред.)

ного года, когда во всех шиитских общинах мира устраиваются церемонии поминовения третьего шиитского имама Хусейна, мученически погибшего в сражениях в пустыне у города Кербела в месяц мухаррам 680 г. по григорианскому летоисчислению. В статье приводится достаточно подробное описание и анализ совершаемых в этот период разного рода действий, в которых могло использоваться и оружие такого рода, специально для этого изготавливавшееся, и, кроме того, вполне боевые предметы вооружения, которые, таким образом, приобретали новый этнографический статус из-за расширения сферы применения. Путешественники, этнографы, историки, побывавшие в Иране и в сопредельных территориях, где исповедуется ислам шиитского толка, описывали церемонии довольно подробно, однако их внимание привлекало больше порядок и характер совершаемых обрядов и ритуалов, чем сопровождавший их предметный антураж. Тем не менее, анализ филологических данных, обрядово-ритуальной стороны церемоний и тщательное сопоставление даже отрывочной информации из письменных источников как между собой, так и с изображениями этих действий художниками, видевшими их своими глазами, и с приемами оформления предметов позволили автору прийти к достаточно уверенным выводам. Именно принципы оформления рассматриваемого в статье небоевого оружия, сам набор дополняющих его образов, которые, как показал анализ, отражают идейно-символический пласт церемоний мухаррама и героико-мифологические черты собственно иранской культуры в этих церемониях проявившиеся, оказался одним из самых важных источников, позволивших определить место этих вещей в ритуальной культуре Ирана середины-второй половины XIX и начала XX в. Приведенный же стилистический анализ таких предметов из коллекции РЭМ и МАЭ РАН может служить основой для локальных атрибуций таких предметов из других собраний.

Ключевые слова: мухаррам, ашура, холодное оружие, Иран, ритуал, обряд.

Abstract: The article is devoted to the analyzes of number of Iranian edged weapons, lacking any fighting efficiency but distinctively ornamented, from

the collections of the Russian museum of ethnography and Peter the Great Museum of anthropology and ethnography (the Kunstkamera). Such weapons of diversified types (sabers, swords, daggers, battle-axes, defensive weapons) form a considerable part of museum collections, and evidently were produced by quantities in Iran, from where they appeared in the museums either directly, that is important, or via the antique shops in Europe and Russia in the second half of the 19th-the beginning of the 20th centuries.

Based on the complex analyses of both the objects, and primary sources as well as research literature on history and ethnography, the author puts these arms in the context of Iranian culture of the 19th century, linking their use with the rituals, organized in the first ten days of muharram, a month of the Muslim lunar year. During these days, various ceremonies, commemorating the martyrdom of the third shia imam Khusain in the desert near the city of Karbala in 680, take place in the shia Muslim communities. The author provides profound descriptions and analyses of the activities and performances, that could have incorporated such kind of non-battle arms and armour, specially made for these occasions, as well as the real weapons, thus acquiring another ethnographical status. Travelers, ethnographers, historians, who visited Iran and nearby territories with shia brand of islam venerated, described the ceremonies in details, through their attention was paid more to the scenario of the events, their religious and ethnic specificity, than to the objects used. Nonetheless, the analyses of philological data, cultic and ritual aspects of the ceremonies, and comparison of even a few facts from primary sources and juxtaposition them with the images, made by the artists who saw them with their own eyes, as well as with real objects, permitted the author to arrive at the steadfast conclusions. These are the principles of ornamentation of the arms and armor under discussion as well as the range of decorating them images, which as investigation has showed, reflect the symbolic ideas of muharram ceremonies and vivid in these events heroic and mythological features of Iranian culture, that have appeared to be one of the most important sources to determinate the place of these objects in the Iranian ritual culture of the second half of the 19th century and the beginning of the 20th. The stylistic analyses of such objects from the Russian museum of ethnography and Peter the Great Museum of anthropology and ethnography (the Kunstkam-

era), provided by the author, can serve as the basis for the attribution of this kind of weapons from other museums to the sub-culture of muharram ceremonies.

Keywords: muharram, ashura, edged weapons, Iran, ritual, ceremony.

В российских и зарубежных музейных и частных собраниях хранятся предметы вооружения, отличающиеся явным отсутствием выраженных боевых качеств, но довольно выразительно оформленные. Это, прежде всего, клинковое оружие – сабли, мечи, кинжалы, секиры. Качество клинков, выполненных из невысококачественной мягкой стали, а также принципы оформления вещей не позволяют рассматривать их как образцы представительского оружия: на Ближнем и Среднем Востоке представительские клинки по характеристикам не уступали боевым экземплярам, а их отделка отличалась роскошью и вкусом.

Таким образом, сферу применения вещей, хранящихся в Российском этнографическом Музее: № 2056-18а (Илл. 1); № 6776-39а,б (Илл. 2); № 6776-40а,б (Илл. 3); № 8761-16371а,б (Илл.4); № 8761-16373 (Илл.5); № 8761-16379а,б (Илл.6); № 8761-16380а,б (Илл.7); № 8761-16381 (Илл.8); № 8761-16382 (Илл. 9); № 8761-7198а (Илл.10) и в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: № 2723-1²; № 3116-2; № 3477-1а,б³, в других музеях (например, Государственный Эрмитаж, Военный музей Ирана, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи), а также частных собраниях следует искать за пределами поля военных действий и парадов.

Илл. 1. Меч. Иранцы. XIX век. РЭМ 2056-18а.

Из собрания Российского этнографического музея

² См. кат. № 39 в (Малозёмова 2015, 490-492).

³ См. кат. № 47 в (Малозёмова 2015, 504-505).

Илл. 2. Кинжал в ножнах. Иранцы. XIX век. РЭМ 6776-39а,б.
Из собрания Российского этнографического музея

Илл. 3. Меч в ножнах. Иранцы. XIX век. РЭМ 6776-40а,б.
Из собрания Российского этнографического музея

Илл. 4. Меч в ножнах. Иранцы. XIX век. РЭМ 8761-16371а,б.
Из собрания Российского этнографического музея

Илл. 5. Меч. Иранцы. XIX век. РЭМ 8761-16373.
Из собрания Российского этнографического музея

Илл. 6. Кинжал в ножнах. Иранцы. XIX век. РЭМ 8761-16379а,б.
Из собрания Российского этнографического музея

Илл. 7. Кинжал в ножнах. Иранцы. XIX век. РЭМ 8761-16380а,б.
Из собрания Российского этнографического музея

Илл. 8. Кинжал. Иранцы. XIX век. РЭМ 8761-16381.
Из собрания Российского этнографического музея

Илл. 9. Кинжал. Иранцы. XIX век. РЭМ 8761-16382.
Из собрания Российского этнографического музея

Илл. 10. Кинжал. Иранцы. XIX век. РЭМ 8761-7198а.

Из собрания Российского этнографического музея

Музейные описи РЭМ и МАЭ РАН не дают информации о сфере использования этих вещей. В коллекцию РЭМ часть рассматриваемых памятников попала из расформированного Музея народов СССР в 1948 г. (№ 8761-16379а,б; № 8761-7198а; № 8761-16380а,б; № 8761-16382; № 8761-16371а,б; № 6776-40а,б; № 8761-16373) (Холодное оружие 2006, 172, 174, 176-178, 184, 186), источник поступления двух рассматриваемых памятников (№ 6776-39а,б; № 6776-40а,б) пока не известен (Указ. соч., 175, 185). Один большой кинжал (№ 2056-18а) был передан в дар музею Августейшим управляющим Русским музеем Александра III великим князем Георгием Михайловичем в 1910 г. (Указ. соч. 183). В собрание МАЭ РАН один памятник, сабля с раздвоенным кликом (№ 2723-1), попал в 1919 г. в составе большого собрания вещей, поступивших из У.Т.Ч.К. (Управление транспорта Чрезвычайной комиссии – расшифровка аббревиатуры В. Н. Кислякова)⁴, точное происхождение которых в этом случае определить невозможно. Второй предмет, еще одна сабля такого типа (№ 3116-2), был приобретен в 1925 г. у некоего Расуля Мухаммедова, других данных соответствующая опись МАЭ РАН не приводит⁵. Третий памятник, пятиклиновый кинжал (№ 3477-1а,б), был приобретен в 1927 г. у Викентия Карловича Клещинского⁶, предположительно брата Константина Карловича Клещинского, российского и литовского военачальника, агента советской военной разведки в Литве в 1920-е гг. Таким образом,

⁴ Опись Отдела этнографии НАРОДОВ Южной и Юго-Западной Азии МАЭ РАН № 2723.

⁵ Опись Отдела этнографии НАРОДОВ Южной и Юго-Западной Азии МАЭ РАН № 3116.

⁶ Опись Отдела этнографии НАРОДОВ Южной и Юго-Западной Азии МАЭ РАН № 3477.

возможности использования этих вещей следует искать в них самих, письменных источниках, историко-этнографическом контексте.

Стилистический анализ рассматриваемых памятников позволяет разделить их (за исключением сабли № 3116-2 собрания МАЭ РАН) на две количественно неравные группы.

В первую группу входят 10 предметов. Это мечи № 6776-40а,б; № 8761-16373 собрания РЭМ, сабля № 2723-1 собрания МАЭ РАН и кинжалы № 8761-16379а,б; № 8761-16380а,б; № 8761-16381, № 8761-16382, № 8761-7198а, № 6776-39а,б, собрания РЭМ; № 3477-1а,б собрания МАЭ РАН. Все эти предметы объединяет ряд признаков. У мечей и сабли одинаковые по форме стальные рукояти с упрощенным трехчастным затыльником, отличающиеся мягкими скругленными линиями, и дужками перекрестья, завершающимися стилизованными изображениями фантастических существ. К длинноклинковому оружию по типу рукояти, не вполне, правда, соответствующей по форме, но похожей по скругленным очертаниям, примыкает кинжал № 8761-16379а,б (Илл.6). Остальные кинжалы однотипны и по форме клинков, и по форме стальных же рукоятей, которые за исключением только рукояти кинжала № 8761-7198а (Илл.10), отличаются более резкими очертаниями, что характерно для кинжалов такой формы. У кинжала № 6776-39а,б (Илл.2) рукоять отсутствует, но, по-видимому, она тоже была металлической, как, например, у кинжала № 8761-16380а,б (Илл.7). Клинки всех кинжалов, кроме № 8761-16381 (Илл.8), снабжены двумя долами с выраженным центральным ребром.

Клинки всех кинжалов выполнены из относительно прочной стали (№ 6776-39а,б (Илл. 2), № 3477-1а,б и № 8761-7198а (Илл. 10)), однако крепление их в рукояти абсолютно ненадежное, не предполагающее никакого боевого назначения. Лезвия тоже не удержат сколько-нибудь острую заточку. У кинжала № 3477-1а,б три острия усилены.

Клинки мечей выполнены из тонкой мягкой стали и, соответственно, без заточки. У сабли в нижней части полоса довольно твердая, но образовавшиеся при ее раздвоении клинки оказываются тоже весьма тонкими и гибкими.

Все эти вещи оформлены сходными изображениями и в одинаковых техниках. Техники, использовавшиеся для оформления клинков, – это преимущественно травление, иногда с добавлением гравировки, а также насечка серебром и золотом. Рукояти декорированы в техниках насечки, гравировки, травления, резьбы по рогу и дереву.

Изображения сводятся к растительному орнаменту, надписям и псевдонадписям (имитация арабской графики), образам животных, в том числе фантастических, и людей.

Так, на клинках мечей доминирующим элементом композиции становится змея. В случае меча № 8761-16373 (Илл. 5) змея изображена вдоль всей полосы поверх нанесенной арабской графикой надписи. На клинке меча № 6776-40а,б (Илл. 3) изображение змеи занимает центральную часть полосы, тогда как нижняя ее часть и острие дополнены растительным орнаментом.

Клинок сабли с обеих сторон по всей длине оформлен двенадцатью сомкнутыми картушами, в которых поочередно исполнены псевдотекст и погрудные изображения мужчин разного возраста в головных уборах разных видов. У самого основания клинка расположено изображение фантастического существа. Подробности иконографии рассмотреть не представляется возможным, поскольку изображение практически полностью закрыто крестовиной, видны только рога на голове. Вокруг картушей – растительный орнамент с изображениями птиц. Похожая композиционная схема разворачивается и на клинке кинжала № 8761-16379а,б (Илл. 6). В каждой картуше изображена птица на фоне растительного орнамента, тогда как между картушами также по растительному фону исполнены парные изображения рыб. У основания клинка в своеобразной нише расположено изображение мужчины в полный рост, одетого в брюки, короткий кафтан по иранской моде середины - второй половины XIX в., со сложным тюрбаном на голове. С каждой стороны от его головы изображена птица, словно сидящая у него на плече.

Кинжалы тоже оформлены похожими изображениями. На кинжале № 8761-16380а,б (Илл. 7) расположено погрудное изображение мужчины в шлеме, похожее на изображения на сабле, а на кинжале № 6776-39а,б (Илл. 2) – традиционная для иранского искусства садовая сцена, в композицию кото-

рой входят три сидящих на коленях человека в парадных одеждах. Ножны, зарегистрированные с этим кинжалом, хотя едва ли сделанные для него, оформлены, как и клинок сабли, цепочкой картушей, выполненной в технике серебряной насечки, но с исполненными медной (?) насечкой цветочными букетами в них. Вокруг – растительный орнамент. Доны кинжальных клинков либо оставлены заполированными (№ 3477-1а,б; № 8761-7198а; № 8761-16382), либо дополнены надписью арабской графикой (№ 6776-39а,б, № 8761-16380а,б). Клинок кинжала № 8761-16381 без долов, оформлен откованным у основания полу-медальоном с насеченным золотом растительным орнаментом внутри него и маленьким медальоном, спускающимся вдоль центра клинка. На рукояти надписи арабской графикой.

Сходство манеры исполнения всех этих вещей позволяет говорить, что все они были сделаны хоть и разными мастерами в разных мастерских, однако в одной традиции и, как следствие, со сходными целями.

Вторая группа состоит из двух больших кинжалов № 2056-18а (Илл. 1), № 8761-16371а,б (Илл. 4) с необычно длинными клинками в 89 и 107,5 см соответственно. Однако это действительно кинжалы типа кавказского кинжала кама: их рукояти состоят из двух роговых щечек, заклепанных на хвостовике, ножны снабжены только одной петлей для подвеса, а их наконечник завершается бутеролью. Клинки кинжалов стальные, по всей длине с обеих сторон оформлены изображениями. Клинок кинжала № 2056-18а снабжен одним широким долом в центре и дополнен растительно-цветочным орнаментом, сочетающимся с гравированными изображениями фантастических существ. Изображение фантастических существ в некоторой степени объединяет этот меч с саблей № 2723-1 из первой группы. Клинок второго меча снабжен двумя узкими долами по центру и сплошь орнаментирован в технике травления псевдо-арабскими надписями в средней части клинка. У рукояти клинок дополнен заключенным в медальон изображением юноши с изображением цветов по обеим сторонам от него. Растительно-цветочный орнамент со вписанными в него парами птиц и фантастических зверей и одиночного животного дополняет фон вокруг медальона. Ниже по центру клинка расположены еще два разной формы медальона с растительным орнаментом. У

острия клинков дополнен тоже изображениями пары фантастических зверей по растительному фону и выше в маленьком медальоне в центре - изображением зайца или кролика. Изображение одушевленных существ объединяет этот меч с несколькими памятниками первой группы (№ 2723-1, № 8761-16373, № 6776-40а,б, № 8761-16380а,б, № 6776-39а,б). Таким образом, памятники связаны не только внутри своих групп, но и между ними, а, следовательно, должно быть, использовались в одинаковых или похожих обстоятельствах.

Определить направление поисков этих обстоятельств позволяет сабля № 2723-1 с раздвоенным клинком и сходная с ней по форме сабля № 3116-2, не вошедшая ни в одну из двух групп. Ее клинок в верхней трети тоже раздвоен, а вся полоса с обеих сторон, даже с внутренней стороны двух образовавшихся клинков, оформлена в технике травления длинной надписью арабской графикой, в которой читаются только отдельные легкоузнаваемые слова, и сценами охоты на оленя. Отдельные элементы композиции усилены золотой насечкой.

Эти сабли представляют собой подражание Зу-л-факару, легендарному мечу⁷ пророка Мухаммада, который он, согласно преданию, передал своему двоюродному брату и зятю Али. Об этом же говорят и читающиеся на клинке сабли № 3116-2 слова *allah* - «Аллах», *‘ali* – «всевышний» или имя собственное «Али». Согласно устным преданиям, зафиксированным письменными источниками, именно этот меч, переданный ему отцом, взял с собой внук пророка Мухаммада Хусейн, отправляясь на последнюю битву с войском халифа Йезида у города Кербела (Lassy 1916, 32). В остальных рассматриваемых предметах вооружения тоже можно усмотреть связь с памятью о мученической смерти имама Хусейна.

Память о сыновьях имама Али Хасане и особенно Хусейне была и остается живой среди мусульман-шиитов. Соответственно, главным местом поминовения имама Хусейна был и остается Иран, где со времен правления шиитских шахских династий основной процент населения исповедует ислам

⁷ Взаимное замещение терминов «сабля» и «меч» в отношении ближневосточного длинноклинового оружия возможно, поскольку ни в арабском, ни в персидском, ни в турецком языках нет специального термина для обозначения сабли.

шиитского толка, который принят и сегодня в качестве государственной религии. Мученическую смерть имама Хусейна и его сторонников при Кербеле поминают и в шиитском Азербайджане.

Основные церемонии, связанные с поминовением мученической смерти имама Хусейна, проходят в первые десять дней месяца мухаррам, т. н. «ашура»⁸ или «деха»⁹ (Francklin 1790, 239). В Иране впервые начали скорбью вспоминать события при Кербеле, по-видимому, во время правления династии Буидов (945-1055 гг.). Наиболее активно поминовения стали проходить во времена правления Сефевидов (1501-1722 гг.), сделавших ислам шиитского толка государственной религией Ирана, и после некоторого перерыва позже, начиная с периода правления династии Каджаров (1795-1925 гг.). В 1927-1928 гг. церемонии поминовения имама Хусейна были официально отменены (Марр 1970, 313-366), но после исламской революции 1979 г. ситуация изменилась – пример имама Хусейна стал особенно актуален для укрепления национального самосознания и поднятия боевой готовности иранской армии в войне с Ираком в 1980-1988 гг.

Из сочинений, написанных в XVII-XX вв. побывавшими в Иране и Азербайджане иностранцами из Европы, России и Америки, известно, что в церемониях поминовения имама Хусейна использовалось оружие. Однако эти путешественники и исследователи оставляют весьма скудные описания оружия, использовавшегося в разного рода действиях, проходивших в эти дни в Иране и Азербайджане. Их больше интересовали сценарий, описание событий и действий «ашуры», тексты пьес и плачей, чем «реквизит». Наиболее информативные описания этих дней оставили И. Ласси, исследовавший церемонии мухаррама в Азербайджане в 10-ых гг. XX в. (Lassy 1916), и С. М. Марр, наблюдавшая эти события в Иране в 1925-26 гг. (Марр 1970) вместе с Ю. Н. Марром, который тоже оставил свои впечатления¹⁰. И. Ласси, подробно описывая ритуалы этих дней и пересказывая события при Кербеле, исследует культ мертвых в ритуалах мухаррама, связь этих ритуалов с ритуалами, практиковавшимися в культуре доисламского Ирана, а также прослеживает исто-

⁸ Термин происходит от арабского *‘ašara* - «десять».

⁹ Этот термин происходит от персидского *dah*, что тоже означает «десять».

¹⁰ Марр Ю. Н. Впечатления от поездки в Иран 1925-1926 гг. Архив ИВР РАН, ф. 95.

рию развития мистерий мухаррама. С. М. Марр в своей статье, посвященной церемониям мухаррама, приводит обширную литературу, затрагивающую эту тему, а также исследует корни представлений и ритуалов, легших в основу сказаний о мученичестве имама Хусейна.

Следует отметить, что тема мухаррама и проходивших в этот месяц ритуалов, обрядов и театрализованных мистерий, называемых обычно общим термином *ta'ziye*¹¹ (ар. «траур», «оплакивание», «поминки»), в Иране и позже не оставалась без внимания исследователей. Основной труд, посвященный этому вопросу, представляющий собой сборник статей, посвященных разным аспектам церемоний мухаррама, был издан под редакцией П. Челковски в 1979 г. (Ta'ziyeh 1979), однако автору настоящей публикации он оказался недоступен.

Опираясь на имеющиеся описания церемоний, проходивших в первые десять дней мухаррама в Иране и Азербайджане (хотя поминовения имама Хусейна были распространены в Турции¹², Аравии, на Кавказе, в Средней Азии, Индии, т. е. везде, где живут шииты (Марр 1970, 315), а сегодня процессии *ta'ziye* можно увидеть и в столицах европейских государств, например, в Лондоне), можно с уверенностью говорить, что в них использовались мечи, сабли, кинжалы, копья, джерида, арбалеты, стрелы без наконечников, шлемы, кольчуги, щиты. Состав предметов вооружения мог варьироваться в зависимости от конкретной местности, возможностей устроителей, равно как варьировались сами ритуалы и обряды.

Оружие участвовало в двух церемониях «ашуры». Одна из них - обряд сечения головы. Этот кровавый обряд, в Иране называвшийся *qamezani* или *tighzani*, совершался в разные дни периода «ашура», но особенно экспрессивно - в десятый день, день смерти имама Хусейна. Обряд, в котором участвуют по собственному желанию мужчины чаще всего в возрасте до сорока лет (Lassy 1916, 117), предполагает нанесение оружием ударов по голове в память об отсечении голов мучеников Кербелы. И. Ласси, С. М. Марр, В. А. Гордлевский, Н. Истомин (Истомин 1961) упоминают участие совсем ма-

¹¹ В данной публикации принята упрощенная форма транскрипции.

¹² Описание дней мухаррама в Константинополе оставил В. А. Гордлевский (Гордлевский 1928).

леньких детей в этом обряде «... Впереди на лошади едет мальчик (изображающий уцелевшего от побоища младенца Хусейна); он помахивает над головой кинжалом, прикасаясь ко лбу ...» (Гордлевский 1928, 169). «Наряду со взрослыми вы видите совсем маленьких мальчиков, которые готовятся к обряду; тут же на улице парикмахер бреет им головы [...] обряд начинается с того, что выезжает на лошади мальчик лет шести-семи и ему делают надрез на голове» (Марр 1970, 328, 329). «... У совсем маленьких детей в руках миниатюрные кинжалы, а на бритых головах - кровавые раны. На самом деле, это работа отца, а не ребенка» (Lassy 1916, 117).

Для этого обряда использовалось клинковое оружие - одно из названий ритуала, *tighzani*, происходит от персидских слов '*tigh*' – «клинок» и '*zani*' – «нанесение ударов». Рубящиеся обычно держали оружие в правой руке (Марр 1970, 327; Lassy 1916, 114), левой рукой они держали друг друга за пояс (Lassy 1916, 114), а движения их напоминали ритмический танец (Марр 1970, 327). Кроме сабель, о которых говорят дискриптивисты, в этой церемонии использовались и кинжалы (Указ. соч., 328, 329; Lassy 1916, 114), однако ни С. М. Марр, ни И. Ласси, ни другие авторы не описывают оружие слишком подробно, чтобы с уверенностью соотнести рассматриваемое оружие с этим ритуалом. И. Ласси упоминает только длинные кинжалы и мечи (сабли), воткнутые под кожу истязаемых, рукояти которых были пристегнуты друг к другу замком (такая форма самоистязания применялась в качестве оправдания за попрошайничество) (Lassy 1916, 117)¹³. А. М. Горький, видевший церемонии мухаррама в Тифлисе, тоже говорит о воткнутых в кожу в форме веера кинжалах, описывая их как длинные, похожие на сабли (Горький 1898, 2). Е. Э. Бертельс упоминает острые большие мечи (Бертельс 1988, 487-488).

Судя по второму названию этой церемонии - *qamezani*, таким длинным кинжалом или мечом был кинжал кавказского типа кама ('*qame*' – «кама» и '*zani*' – «нанесение ударов»). В словаре М. А. Гафарова, изданном под редакцией Ф. Е. Корша, термину '*qama*' соответствует перевод «длинный, обоюдоострый, прямой кинжал» (Гаффаров 1974). Видимо, именно эти кин-

¹³ С. М. Марр тоже говорит об этой форме самоистязания в Иране. См. (Марр 1970, 331).

жалы можно видеть на опубликованном С. М. Марр рисунке, который был выполнен если и не прямо с натуры, то, по крайней мере, по воспоминаниям о ней (Марр 1970, 330). Совершенно очевидно и то, что на рисунке «Религиозная процессия на празднике Мохаррем в Шуше», выполненном В. В. Верещагиным в 1865 г. во время его поездки на Кавказ, и на его же рисунке «Резжащийся (добровольный мученик)» наряду с саблями, использовавшимися в этом обряде, изображены кинжалы типа кама.

Образцы такого типа кинжала, распространенного и на Кавказе, и в Турции, и в Иране могли отличаться довольно большими размерами. В среднем общая длина такого кинжала составляет около 55-60 см, но есть примеры еще более длинных кама (в частных собраниях и, например, собрании Военного Музея Бендер Анзали (Khorasani 2006, № 211)) с клинками из неоднородной стали, общая длина которых превышает 70 см и даже достигает 92,5 см, и ножами с одной петлей для подвеса (Указ. соч. № 209, № 210, № 211, № 580, № 581). К такому типу кинжалов относятся и рассматриваемые большие кинжалы № 2056-18a (Илл. 1), № 8761-16371a,б (Илл. 4) из второй группы, однако еще более значительные размеры и вес, а также качество металла не позволяют предполагать их использования в ритуале сечения головы. Их место нужно искать в других церемониях *ta'zie*.

Едва ли можно предположить, что в обряде сечения головы могли использоваться и кинжалы из первой группы, поскольку лезвия их клинков, как уже говорилось, не предполагает сколько-нибудь острую заточку, тогда как все авторы описывают серьезные раны, которые наносили себе рубящиеся. Эти раны должны были оставить шрамы, свидетельствующие об участии в этом богоугодном деле. Причем раны бывали весьма существенными (Lassy 1916, 115). Ю. Н. Марр видел процессию рубящихся в Исфахане, которые ударяли себя «саблями по лбу плашмя, а затем острием» (Марр 1970, 329), то есть лезвием. (Н. Истомин говорит, что по некоторым сведениям, рубящиеся принимают опиум, чтобы не чувствовать боли, но тут же, пересказывая слова одного из своих собеседников, усматривает в этом ритуале, в котором участвовали молодые, небогатые люди, элемент кокетства перед собиравшимися на крышах соседних домов девушками (Истомин 1961, 226)). Однако усилен-

ние клинков кинжала № 3477-1а,б позволяет говорить о том, что такие кинжалы больше быгодились в ситуациях, где требовались колющие удары. Например, во время процессий, устраивавшихся вечерами и ночами в период «ашура», когда несколько кинжалов втыкались в седло или подушку, положенную на спину лошади, которая шла в процессии и символизировала израненную лошадь Хусейна. На концы обращенных вверх кинжалов насаживались яблоки, напоминавшие о том волшебном яблоке, которое подарил маленьким Хасану и Хусейну архангел Джабраил и которое все еще находилось у Хусейна во время битвы при Кербеле¹⁴. Кинжалы втыкались и в грудь куклы, изображавшей раненого имама (Lassy 1916, 112), которую тоже несли во время процессий на специально сделанных для этого носилках или повозках.

В оформлении повозок, участвовавших в процессиях, тоже использовалось оружие. По словам майора П. М. Сайкса, в Йезде был сделан особенный катафалк Хусейна, представлявший собой огромную, напоминавшую башню, конструкцию, «украшенную прекрасными кашмирскими шальями и многочисленными знаменами, зеркалами, мечами и кинжалами ...» (Sykes 1910, 198) (С. М. Марр тоже говорит о похожем на башню громадном сооружении из стекла, круглых зеркал, страусовых перьев, представлявшим собой, правда, не катафалк Хусейна, а вещь, сделанную в память о свадьбе Касима, убитого в брачную ночь, - поэтому внутри этого сооружения нередко сидел ребенок (Марр 1970, 334)). Описывая это сооружение, П. М. Сайкс говорит об использовании в его оформлении не только кинжалов, но и длиннокликового оружия, используя для его обозначения термин 'sword' (Sykes 1910, 198). В английском языке это слово может обозначать практически любой вид длиннокликового оружия, включая собственно меч и саблю. Однако есть и отдельный термин, использовавшийся в английском языке для обозначения именно сабли - 'scimitar'/'scymitar'. Как раз этот термин использует другой автор, У. Франклин, при описании оружия, использовавшегося для оформления гробов мучеников при Кербеле, которые он видел в десятый день мухаррама во время своей поездки в Иран в 1786-87 гг. (Franklin 1790, 252). Побывавшие в Иране в первой половине XVII в. Федот Котов и Ян

¹⁴ Подробнее об этой легенде и значении яблока см. (Lassy 1916, 109-110).

Стрейс тоже говорят именно о саблях, описывая процессии мухаррама (Хождение купца 1958, 89; Стрейс 1935, 269). В качестве таких сабель могли служить рассматриваемые сабли с раздвоенными клинками № 2723-1 и № 3116-2 как напоминание о доставшемся имаму Хусейну мече Мухаммада и Али. Надо полагать, о таких саблях говорит и Ж. Морьер, описывая штандарт, состоявший из длинной палки, украшенной перьями, лоскутьями шелка разных цветов и двух необычной формы сабель, призванных представить собой меч Али (Morier 1813, 271).

Однако все это оружие с успехом могло использоваться в нескольких церемониях периода «ашура» – на всех рассматриваемых памятниках, особенно из первой группы, есть значительные потертости, дефекты на клинках, свидетельствующие об их весьма активном использовании. Еще одной церемонией, в которой участвовало оружие, было т. н. *t'azie-je šabi* – театрализованные представления на сюжет событий при Кербеле, которые устраивались в период «ашуры» и в следующем месяце сафар. Появились эти мистерии в середине XVIII в., хотя многие исследователи относят их даже к концу XVII¹⁵. Прийти на эти представления можно было бесплатно, а устраивали их обычно обеспеченные горожане, например, купцы, на свои деньги (Март 1970, 335). Организовывать такие представления, равно как и участвовать в них, было богоугодным делом, и мест, где проходили эти представления, называвшихся *takia* или *hosayniya*, было довольно много. На карте Тегерана, которую приводит в своей книге побывавший в Иране в середине XIX в. И. Березин, эти постройки отмечены практически в каждом квартале. Кроме того, «... Такиэ, следуя персидскому обычаю, содержит Русское посольство, равно как и Английская миссия» (Березин 1952, 299).

Оформлялись такиэ сообразно возможностям строителей, но С. М. Март среди прочих элементов оформления одного виденного ею такиэ упоминает «очень большие сабли из какого-то мягкого металла с резными эфесами, которые свешиваются со стен и колеблются» (Март 1970, 337).

В качестве именно такого театрального оружия, должно быть, использовались рассматриваемые преувеличенно большие кинжалы кама № 2056-

¹⁵ См. (Beyza'i 1965).

18а (Илл. 1), № 8761-16371а,б (Илл. 4), чьи не только размеры, но и яркое оформление указывает на декоративное назначение¹⁶.

Илл. 11. Интерьер кофейни. Исфахан, Иран. Фотография автора

В похожих же целях, в частности, использовались и сабли № 2723-1, № 3116-2 и мечи № 6776-40а,б (Илл. 3); № 8761-16373 (Илл. 5) (в одной из публикаций такого рода мечи названы копиями «Средневекового меча» (Восточное оружие 1989, Рис. 11, 12)), и кинжал № 8761-16379а,б (Илл. 6), сделанные из мягкой стали и тоже отличающиеся вычурным оформлением. Типы клинков, их размеры, оформление и в целом состав вооружения, судя по тем скудным его описаниям, на которые можно более или менее уверенно опираться, зависел от конкретного места проведения та'зие. При этом М. Хорасани приводит мнение иранского исследователя Шахиди о том, что если, например, шали, использовавшиеся для украшения та'киэ, можно было легко

¹⁶ Нужно отметить, что и в современном Иране в числе прочих предметов мухаррама продолжают создаваться такие преувеличенно большие предметы вооружения (Илл. 11).

купить на базаре, то обзавестись столь же необходимыми «шамширом, доспехом, шлемом и штандартом» было намного более затруднительно (Khorasani 2006, 363). Следовательно, надо полагать, что такое оружие делалось большей частью на заказ, и качественно оно должно было разниться в зависимости от размера потраченных на него пожертвований такиэ (Указ. соч., 364) или количества средств тех людей, которые устраивали та'зие.

Вещи, рассматриваемые в этой статье, качественно практически одинаковы, однако известны памятники, которые по форме клинка и рукояти, которую относят к северо-индийскому типу (Шедевры и раритеты 2004, 127), похожи на мечи из первой группы, но сделаны из булата. Таков, например, меч, который приводит в своем каталоге М. Хорасани под № 175. На его клинке золотом таушировано имя Насир ад-Дин-шаха (1847-1895). Примечательно, что в этой надписи в титулатуру шаха кроме имени включены два термина (Khorasani 2006, 555). Один из них - это "*khosrov*", собственное имя двух шахов из династии Сасанидов, которое стало нарицательным и в данном случае было, в частности, призвано отметить Насир-ад-Дин-шаха как правителя, претендующего на преемственность исконно иранской династии¹⁷. С той же целью был использован и второй термин, *sāhibqirān*, т. е. «человек, рожденный под благоприятным сочетанием планет», который, начиная с правления эмира Тимура и вплоть до XIX в., связывался с правителями (Иванов 1972, 25-29), череду которых, как видно, продолжил шах Насир ад-Дин. Видимо, в период его правления этот клинок получил и металлическую рукоять со следами исполненного золотом орнамента. В пандан к булатному клинку рукоять украшена выполненной в технике *champlevé* разноцветной эмалью, ставшей особенно популярной в период правления Каджаров (Khorasani 2006, 555). Судя по тому, что это именно меч, и потому как декоративно он оформлен, можно говорить о его использовании во время церемоний. Одной из главных среди них могло быть *t'azieh-e šabi*. При этом известно, что кроме упомянутых Русской и Английской миссий, еще одним «частным» лицом, содержащим такиэ, был шах Насир ад-Дин. Построенный в

¹⁷ Стоит отметить, что термин '*khosrov*' входил и в официальную титулатуру Надир-шаха Афшара, известную в частности по его монетам.

1870-ых гг. в Тегеране «Придворный театр» был самым известным такиэ Ирана. По описаниям европейских путешественников, его потрясающее глаз великолепие и большое количество драматических постановок затмевали даже оперные дома европейских столиц¹⁸.

На представления в «Придворный театр» оружие приносилось из шахской сокровищницы и, неизбежно, как представляется, становилось образцом для подражания. Таким подражанием вполне могли стать мечи, а как следствие, и сабли из первой группы рассматриваемых памятников. Первоначальным местом изготовления оружия такого рода, таким образом, следует считать, скорее, столичные мастерские. В дальнейшем оно могло распространиться и в других районах Ирана, что повлекло различия, заметные и на рассматриваемых вещах.

Рассматриваемые же большие кинжалы из второй группы, по-видимому, происходят из районов близких к Кавказу, где особенно распространены были кинжалы-кама. Кроме того, на ножнах одного из № 8761-16371a,б (Илл. 4) есть надпись армянскими буквами (Холодное оружие 2006, 184).

Все рассматриваемые предметы вооружения, как уже отмечалось выше, очень выразительно оформлены. Весь набор декоративных элементов, как представляется, вполне согласовывается с темой мистерий и рассказами о событиях при Кербеле. Все рассматриваемые вещи из обеих групп оформлены разными изображениями и/или текстами и псевдотекстами.

Тексты представляют собой разного рода высказывания и воззвания, хотя некоторые надписи, в частности из-за плохой сохранности, пока не поддаются чтению. На больших кинжалах № 8761-16380a,б (Илл. 7) и № 8761-16373 (Илл. 5) – это арабские надписи “*as-sultāni al-‘alim*” - «Мой мудрый султан». Это эпитет Аллаха, но примечательно, что в устных текстах та’зие, которые приводит И. Ласси, имам Хусейн называет себя правителем (султаном) «Дня страшного суда» (Lassy 1916, 119). На большом кинжале № 8761-

¹⁸ Правда, по мнению И. Березина лучшим такиэ в Тегеране было такиэ Хаджи Мирза Агаси (Березин 1952, 299), занимавшего пост премьер-министра (*sadr-e azam*) при предыдущем иранском шахе Мухаммаде (1835-1847).

16371 а,б по-персидски написано “*qabri imān va āmāl*” - «Могила – [это] вера и упование». На мече № 6776-40а есть нечитающиеся надписи и арабские надписи из числа прекрасных имен Аллаха: “*iā mannān*” - «О, Всемиловитый», “*iā jabbār*” - «О, Могущественный/Всевеличественный». На кинжале № 8761-16381 большая часть надписей, исполненных по-арабски на рукояти, представляет собой обращение к имаму Али, эпитеты Аллаха, некоторые из 99 его прекрасных имен и цитаты из Корана. Например: “*iā ‘ali*” «О, Али» (может быть и воззванием к Аллаху по одному из прекрасных его имен - «О всевышний»), “*iā asad ‘ali*” - «О, лев Али», “*iā ḡādī al-hājāt*” - «О, исполнитель желаний», “*iā kāfi al-muḥemmāt*” - «О, Совершенный во всех делах», “*iā hanān*” - «О Сочувствующий», “*tujidu ‘awna laka fi nawaib*” - «ты найдешь его помощью для тебя, когда случатся неудачи». На этом кинжале есть и еще один вариант воззваний, который, как представляется, можно прочесть как “*iā nun*” - «О нун» (название буквы) (Илл. 12). При таком варианте чтения эта надпись наводит на мысль об ‘илм ал-хуруф, «науке о буквах», основанной на использовании тайных свойств букв арабского алфавита, каждая из которых наделена богатым символическим значением. Букве нун в этой науке соответствует большой спектр значений, например: пятница, зеленый цвет, планета Венера, Солнце, элемент воздух (Резван 2011, 35, 36, 39, 43). Если вспомнить, что сражение имама Хусейна произошло в пятницу, а на голове имама был унаследованный от пророка Мухаммада зеленый тюрбан (Lassy 1916, 32), а также что женские образы (планета Венера) и Солнце играли значительную роль и в истории имама Хусейна, и в ритуалах природного цикла (Марр 1970, 350-351), то присутствие воззвания к этой букве вполне обосновано. Более того, мистико-поэтическое ее значение лишь усиливает это соответствие, поскольку в спектр входят понятия «победа» и «тело, с отрубленными руками, ногами и головой» – это последнее заставляет вспомнить му-

Илл. 12. Кинжал.
Иранцы. XIX век.
РЭМ 8761-16381.
Из собрания РЭМ.
Деталь

ченическую смерть Аббаса и изображающую его куклу с отрубленными руками и головой, которую возили в процессиях мухаррама.

Содержание текстов, таким образом, не только не противоречит теме мистерий, но вполне им соответствует, а в отдельных случаях прямо свидетельствует о шиитском контексте. Прекрасные имена Аллаха могли, помимо прочего, писаться на оружии (как и на талисманах) для того, чтобы вещь приобретала определенные свойства, поскольку в соответствии *‘илм ал-хуруф* каждое из имен наделялось силой. Например, *al-jabbār* – избавление от насилия, а *al-‘ali* – укрепление веры, раскрытие судьбы, возвращение домой (Резван 2011, 59, 61). В коротких воззваниях с использованием эпитетов отдаленно слышатся отзвуки текстов, читавшихся в каждый из десяти дней мухаррама в ходе т. н. *rouze-khāni* – собраний, на которых чтецы рассказывали собравшимся о гибели имама Хусейна. Именно эти тексты были положены в основу постановок *t’azieh-e šabi* и именно эти тексты, а также весь контекст поминальных церемоний дают возможность трактовки исполненных на оружии изображений, правда, весьма гипотетическую, поскольку надписи никакой информации в этом отношении, как видно, не несут. Однако эти надписи, исполненные разными каллиграфическими шрифтами, становятся отдельным, чрезвычайно важным компонентом той изобразительной программы, которая разворачивается на рассматриваемых вещах.

Кроме каллиграфического орнамента в этой изобразительной программе наибольшее место отводится растительному орнаменту, оформляющему рукоятки и клинки абсолютно всех рассматриваемых памятников. Орнамент в целом стал одной из главных сфер развития мусульманского искусства, связанным пониманием Аллаха и попыткой рассказать о нем при помощи художественных элементов (Пиотровский 2001, 39). Растительный орнамент, в числе прочего, прославляет мир, созданный Аллахом, напоминает о райском саде (Указ. соч., 49). Однако, являясь продолжением домусульманских художественных традиций, растительный орнамент имманентно продолжает нести идею плодородия, богатства природы. Таким образом, с одной стороны, он, равно как и каллиграфия в этом случае, отражает включенность оружия в контекст многоуровневой мусульманской культуры в целом, но с

другой стороны, показывает его связь с традициями иранской культуры до-мусульманского времени, которые просматриваются в шиитских мистериях мухаррама. Анализ уже обрядовой стороны та'зие позволил исследователям усматривать в основе этих церемоний переосмысленные в контексте ислама древние земледельческие культы, связанные с умирающим и воскресающим богом и празднованием Нового года (Март 1970, 362) и его конца (Lassy 1916, 235), и в растительном орнаменте эта связь с земледельческими культурами возрождающейся природы наиболее очевидна.

Об идее плодородия говорят и разные одушевленные персонажи, изображенные на рассматриваемых памятниках. В верхнем маленьком картуше на обеих сторонах клинка большого кинжала № 8761-16371а,б, например, есть изображение кролика (Илл. 13) – древнего символа плодovitости.

Илл. 13. Меч в ножнах. Иранцы. XIX век. РЭМ 8761-16371а,б. Из собрания Российского этнографического музея. Деталь. Картуш

Одновременно «некоторые шииты верили, что он является воплощением зятя Мухаммада Али» (Тресиддер 1999, 105-106). Об идее плодородия

говорит и образ змеи, присутствующий на мечах № 6776-40а,б (Илл. 3) и № 8761-16373 (Илл. 5) (возможно, и колышущийся клинок меча № 8761-16373 тоже призван напомнить о змее). Победа змееборца над змеем, хтоническим существом подземного мира, мира вод, влекла за собой дождь и, как следствие, плодородие - в текстах мистерий союзники Хусейна испытывали жажду, боролись с ней. С темой воды связан и образ рыбы, который присутствует на большом кинжале № 8761-16379а,б (Илл.6). Рыба фигурирует в мифологических представлениях многих народов мира. У народов древнего Ближнего Востока образ рыбы связывается с темой умирающего и воскресающего бога плодородия, тогда как именно Адониса, Таммуза, Сиявуша исследователи видят в качестве прообраза Хусейна¹⁹. Аг. Кримский приводит легенду о затоплении могилы имама Хусейна в Кербеле во время правления халифа Мотаваккиля (Кримский 1925, 5-6). В мифологии иранцев первозданная рыба Кара охраняет мировое древо хаома, растущее посреди океана Воурукаша (Рак 1998, 105). То есть в древнеиранской традиции рыба, оказывающая благотворное действие на человека, связывалась с идеей жизни, и весьма вероятно, именно это можно усматривать в изображении рыб, буквально вплетенных в растительный орнамент на кинжале № 8761-16379а,б.

Эту же тему воды, плодородия, очевидно, продолжает и индийский макара, чье изображение, например, завершает дужки перекрестий мечей № 6776-40а,б (Илл. 3) и № 8761-16373 (Илл. 5) и сабли № 2723-1. Наиболее очевидно эта связь, тем не менее, видна на одном из больших кинжалов (№ 2056-18а), где два разных варианта образа макара переплетаются с растительным орнаментом, оформляющим обе стороны клинка (Илл. 14 и 15).

Илл. 14. Меч. Иранцы. XIX век. РЭМ 2056-18а. Из собрания Российского этнографического музея. Деталь. Макара. Первый вариант

¹⁹ См. об этом, например, (Марр 1970, 318-319).

Илл. 15. Меч. Иранцы. XIX век. РЭМ 2056-18а. Из собрания Российского этнографического музея. Детали. Макара. Второй вариант

На этом же кинжале, равно как и на сабле № 2723-1 и мече № 8761-16373 есть изображения фантастических персонажей. На кинжале фантастические существа, исполненные почти симметрично на обеих голоментах у основания, у острия и в центре клинка, несколько отличаются и друг от друга, и от остальных. У всех этих существ тоже очевидна связь с растительным орнаментом – изображение выполнено так, что они служат либо началом или завершением (побег врастает/вырастает из голов), либо продолжением орнамента. Кроме того, два из них – с пятью головами. У одного из этих пятиглавых существ две головы с одним глазом (Илл. 16), а второй соединяет мужские и женские признаки (Илл. 17). На туловищах всех этих существ нанесены штрихи, изображающие шерсть, и на центральных головах пятиглавых существ – рога.

Илл. 16. Меч. Иранцы. XIX век.
РЭМ 2056-18а.

Из собрания Российского этно-
графического музея. Деталь

Илл. 17. Меч. Иранцы. XIX век.
РЭМ 2056-18а.

Из собрания Российского этнографиче-
ского музея. Деталь

Все эти элементы определенно указывают на изображение демонических существ, в образе которых, очевидно, сплетаются черты персонажей фольклора разных народов: множественность голов свойственна, например, демоническим существам в мифологии вайнахов; один глаз был у вайнахского бога охоты, а также у демона азербайджанской мифологии тапегёза; сочетание женских и мужских признаков было характерно для иранской мифоло-

гической системы – оно просматривается, например, в изображениях демонов на среднеазиатских оссуариях (Веселовский 1907, 178), или в образе Белого дива, с которым боролся герой иранского эпоса Рустам, на персидских миниатюрах.

Изображение еще одного мифологического существа оттиснуто на коже, обтягивающей ножны другого большого кинжала № 8761-16371а,б. Это существо с большими ушами и странного вида крестом на шее (Илл. 18) напоминает лешего и может быть антарпаем – персонажем, подобным греческому Пану, или каким-либо другим Паем (духом) или демоном из армянской мифологии, в которой также нашлось место сюжету о драконоборстве²⁰ (корни этого образа именно в армянском фольклоре заставляют искать армянская надпись на ножнах этого кинжала, в которой прочитывается пока лишь одно слово «*Миакэлян(ц)*» (Холодное оружие 2006, 184)).

Все эти демоны, с одной стороны, продолжают тему домусульманских мифологических представлений, пережитки которых сохранились в шиитских мистериях, а с другой, в них возможно видеть и напоминание об одном эпизоде в истории Хусейна, когда перед последним сражением к имаму является царь джинов Джафар с предложением о помощи армии джиннов, от которой Хусейн отказывается. В описании И. Ласси, например, Джафар - это существо с головой коня и ногами льва (Lassy 1916, 42), однако в каждой местности изобразить это существо

Илл. 18. Меч в ножнах. Иранцы. XIX век. РЭМ 8761-16371а,б. Из собрания РЭМ. Деталь

²⁰ Упоминание об этом см. Encyclopaedia Iranica <http://www.iranicaonline.org/articles/azdaha-dragon-various-kinds> (дата обращения 03.03.2020).

Илл. 19. Кинжал в ножнах.
Иранцы. XIX век. РЭМ
8761-16379а,б.
Из собрания РЭМ. Деталь

мастера могли сообразно своим представлениям о демонах, связывая, таким образом, две идеи.

Кроме изображений демонов на рассматриваемом оружии есть еще изображения людей (сабля № 2723-1, кинжалы № 8761-16379а,б (Илл. 6); № 6776-39 а,б (Илл. 2); № 8761-16380а,б (Илл. 7); № 8761-16371а,б (Илл. 4)) и сцен, восходящих к «сцене терзания» с участием птиц (кинжал № 8761-16382 (Илл. 9)). Представляется, что эти изображения тоже связаны с архаическими элементами, включенными в представления та'зие. «Сцены терзания» с участием разных животных и птиц - один из древнейших образов иранского искусства, как в среде кочевников, так и оседлых иранцев. Он снова становится особенно популярным в период Сефевидской династии и в правление Каджаров. Эта сцена, несущая, помимо прочего, идею жертвы, видимо, особенно хорошо согласовывалась с древнеземледельческой драмой о жертве, и соответственно, с жертвой имама Хусейна. Изображения людей на всех предметах разные и трактоваться, соответственно, могут по-разному.

В изображении в полный рост молодого человека, одетого в кафтан и пышный тюрбан, на клинке у самой рукояти кинжала-камы № 8761-16379 а,б (Илл. 19) возможно усмотреть образ самого имама Ху-

сейна, принимая во внимание парадные одежды с подчеркнуто сложным тюрбаном – а имам Хусейн перед битвой оделся в роскошный костюм (Lassy 1916, 32) – и изображенный выше растительный орнамент, с включенными в него рыбами и птицами.

В образе юноши, изображенного на большом кинжале № 8761-16371a,б в окружении растительного орнамента и фантастических животных (Илл. 20), следует, видимо, исходя из таких особенностей изображения, видеть персонажа, связанного в армянской дохристианской мифологии с природой. Это может быть как, например, легендарный армянский царь Ара Прекрасный (Марр 1970, 319), или герои армянского героического эпоса «Давид Сосунский» Мгер Старший (образ утреннего Солнца – Mher/Mehr (иранский Митра)), вступивший в сражение с Белым дивом, или Санасар, связанный с водой (Орбели 1956, 19, 22, 24, 121), или собственно бог-громовержец и драконоборец Ваагн. Это могут быть и другие божества: Арев, божество Солнца, или Лусин, божество Луны (их обычно представляли в образе юноши), или даже Аманор, божество, олицетворяющее Новый год, издержки культа которого, известно, сохранялись до XX в. Со всеми этими образами мог соотноситься Ху-

Илл. 20. Меч в ножнах. Иранцы. XIX век. РЭМ 8761-16371a,б. Из собрания РЭМ. Деталь

сейн - подобные сопоставления были достаточно распространены (Марр 1970, 346-347). По словам же И. А. Орбели, «основные явления природы и наиболее действенные, ощутимые для человека силы природы должны были воплотиться в те или иные антропоморфные [...], а еще ранее – зооморфные [...] формы, с промежуточными этапами перерождения зверообразных существ в существа человекообразные, в виде гибридных получеловеческих полужверинных существ, а также существ, соединяющих в себе звериные формы» (Орбели 1956, 118). Тем не менее, этот вопрос, равно как и вопрос, связанный с изображением демонов, фантастических существ с туловищем льва

Илл. 21. Меч в ножнах. Иранцы.
XIX век. РЭМ 8761-16371а,б.
Из собрания РЭМ. Деталь

и головой человека, вырезанных на рукояти этого кинжала (Илл. 21), а также рассматривавшихся выше мифологических персонажей требует отдельного комплексного исследования с привлечением анализа литературных памятников. О Хусейне это изображение юноши может напомнить, благодаря изображениям птиц, расположенным сверху и снизу картуша с изображением юноши. Птицы абсолютно фантазийны: верхняя пара несколько напоминает павлина, птицу, в целом связанную с образом рая в представлении мусульман; нижняя пара может рассматриваться как голуби – ведь именно голуби, смочив крылья в крови имама, понесли весть о его смерти. Этот эпизод рассматривается как один из важнейших в повествовании о мученичестве имама Хусейна при Кербеле, и в память о нем к лошадям, участвовавшим в ежедневных процессиях,

привязывали голубей (Март 1970, 347). Видимо, о нем должно было напомнить и погрудное изображение молодого человека с птицами у плеч, выполненное на устье ножен пятиклинкового кинжала № 6776-39а,б (Илл. 22).

Илл. 22. Кинжал в ножнах. Иранцы. XIX век. РЭМ 6776-39а,б.
Из собрания Российского этнографического музея. Деталь

Погрудные изображения юношей и мужчин есть и на сабле № 2723-1, где они расположены в цепочке картушей, которую замыкает у самой рукояти изображение демона. Похожее по типу изображения встречаются на других иранских предметах XIX в., например, на пеналах-каламданах третьей четверти XIX в., где они рассматриваются как изображения древних царей Ирана (Адамова 2010, 404-405) или представителей каджарской династии (Указ. соч., 400-401). Изображение древних царей стало отражением сознательно насаждаемой архаизирующей направленности каджарского Ирана (Указ. соч., 41), окончательно сформировавшейся уже в период правления Фатх-Али-шаха. Отражением этой тенденции стало и использование уже упоминавшихся терминов *'khosrov'* и *'sāhibqirān'*.

Такого рода изображения на клинках и сабли, и кинжала № 8761-16380а,б (Илл. 7), а также, возможно, и изображения стоящих мужских фигур на рукояти большого кинжала № 8761-16371 а,б (Илл. 23) тоже можно рас-

смаковать в качестве стремления подчеркнуть мощь и величие страны, которые всегда были важны для иранцев, и о котором так настойчиво пытались напомнить Каджары. Одним из главных символов этой мощи был Рустам,

Илл. 23. Меч в ножнах. Иранцы. XIX век.

РЭМ 8761-16371а,б. Из собрания РЭМ.

Детали

главный герой иранского эпоса «Шах-наме», которому тоже, в конце концов, нашлось место в представлениях та'зие.

Доподлинно известно, что набор тем для этих представлений был не везде одинаков. Еще в XIX в. в «Путешествии по Северной Персии» И. Березин пишет: «Та'зие или мистерия представляется не везде одна: напротив, есть очень много различных сочинений все на одну и ту же тему, различных образов оплакивать смерть имама Хусейна (что

называется месиез)» (Березин 1952, 307). Известно также, что с течением времени в этот набор, иногда включавший помимо историй, связанных непосредственно с мученичеством имама Хусейна, еще, например, историю о Тамерлане (Litten 1929, XV-XVII), добавились и комедийные рассказы, среди которых наиболее интересным был рассказ под названием «Рустам принимает ислам» (Khorasani 2006, 363). Нужно заметить, что появление комедийных историй в та'зие неудивительно. Очевидцы отмечали, что характер иранцев отличался быстрой сменой настроений, что было заметно и во время мухаррама (Lyell 1923, 64). Однако, несмотря на комедийность этой истории, ее присутствие — это еще одно свидетельство в пользу стремления иранцев-шиитов соотнести историю имама Хусейна с элементами древней культуры

Ирана, эпическими сюжетами и героями. Изображение демона-дива на сабле № 2723-1 может косвенно поддержать эту мысль, памятуя об одном из подвигов Рустама. Тем не менее, эта тема тоже предполагает дополнительное исследование.

В целом изучение всех таких памятников, демонстрирующих далеко не всегда конкретные образы в оформлении, приводит к мысли об их универсальности, то есть о возможности их использования в разных ритуалах, театральных постановках и т. д. Одно из свидетельств этого – сабля «Зу-л-факар» № 3116-2, не вошедшая ни в одну из групп. Изображенные на ней сцены охоты явно иллюстрируют какую-то историю, не имеющую ни малейшего отношения к рассказам о мученичестве. О таком универсальном использовании оружия говорит и М. Хорасани, обращая внимание на то, что оно использовалось не только для та'зие, но и для т. н. *naggaly*, т. е. устного чтения текстов «Шах-наме» с элементами представления перед аудиторией (Khorasani 2006, 363). Иранский исследователь Бейзаи, чье мнение по этому вопросу приводит М. Хорасани, утверждает, что с VI в. хиджры, *naggaly* использовалось как «инструмент для распространения идей шиизма» (Указ. соч., 362), что снова делает очевидной связь домусульманских черт иранской культуры и исламских. Надо отметить и то, что со временем постановки на сюжет мученичества при Кербеле стали ставиться не только в дни мухаррама.

М. Хорасани отмечает еще и интерес туристов к такому оружию и именно с ним связывает его производство вплоть до XX в. Возможно, это утверждение справедливо в отношении памятников, оформленных псевдонадписями, например, сабля № 2723-1, или кинжала № 6776-39а,б (Илл. 2) с садовой сценой, которую трудно соотнести с эпизодами истории имама Хусейна (этот кинжал, конечно, мог использоваться и в других ситуациях), но представляется, что такие «сувениры» делались с оглядкой на реально существовавшие вещи такой формы и с похожими принципами оформления.

Кинжалы, мечи и сабли – это далеко не полный перечень типов оружия, использовавшегося в та'зие. Участие дервишей в некоторых постановках, о чем упоминают и Е. Э. Бертельс (Бертельс 1988, 487-488), и И. Березин (Березин 1952, 337), и другие очевидцы, влекло за собой использование се-

кир, как принадлежавших собственно дервишам, так и изготовленных специально как реквизит. Кроме того, для создания образа армии Хусейна, но в большей степени Шима требовались кольчуги, шлемы, щиты и другое оружие, о чем уже упоминалось выше. Полный и подробный перечень оружия приводит со ссылкой на Шахиди М. Хорасани (Khorasani 2006, 364-366), но образцы такого оружия по стилистике соответствуют рассматриваемым, чему есть многочисленные примеры в разных музейных собраниях и частных коллекциях.

Подводя итог, стоит отметить, что тема та'зие и оружия, использовавшегося в этих церемониях, обширна и комплексна, и последующие исследования, возможно, уточнят, дополнят или изменят сделанные здесь выводы и предположения.

Библиография

- Адамова А.Т. Персидские рукописи, живопись и рисунок XV - начала XX века. Каталог коллекции. — СПб.: Государственный Эрмитаж, 2010. — 512 с.
- Березин И. Путешествие по Северной Персии. — Казань, 1952. — 445 с.
- Бертельс Е. Э. Избранные труды. Т. V. История литературы и культуры Ирана. — М., 1988. — 560 с.
- Веселовский Н. Еще об оссуариях. Отдельный оттиск из записок Восточного Отделения Русского Археологического Общества. Т. XVII. — СПб., 1907.
- Восточное оружие. Памятники материальной культуры. — Баку, 1989.
- Гаффаров М. А. Персидско-русский словарь. — М., 1974.
- Гордлевский. В. А. Дни мохаррама в Константинополе // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. VII. — Л., 1928. — С. 167-172.
- Горький А. М. Праздник шиитов // Нижегородский листок. 28 июня и 5 июля 1898 г.

- Иванов А. А. Кольцо Шах-Джахана // СГЭ. Т. XXXIV. — Л., 1972. — С. 25-29.
- Истомин И. Путевые заметки. Праздник Шах-Хосейн в местечке Куба Бакинской губернии // Кавказ. 1961. № 41.
- Кримський Аг. Перський театр, звідки він узявся і як розвивавсь. У Києві, 1925.
- Малозёмова Е. И. Холодное оружие народов Ближнего Востока в коллекциях МАЭ // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии. — СПб.: МАЭ РАН, 2015. — С. 358 – 537.
- Марр С. М. Мохарррам (шиитские мистерии как пережиток древних переднеазиатских культов) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXVI. Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. — Л., 1970. — С. 313-366.
- Орбели И. А. Армянский героический эпос. — Ереван, 1956.
- Пиотровский М. Б. О мусульманском искусстве. — СПб.: Государственный Эрмитаж, 2001.
- Рак И. В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана. — СПб., Москва, 1998. — 558 с.
- Резван М. Е. Коран в системе мусульманских магических практик. — СПб., 2011. — 220 с.
- Стрейс Я. Три путешествия. — М., 1935. — 416 с.
- Тресиддер Дж. Словарь символов. — М., 1999. — 448 с.
- Хождение купца Федота Котова в Персию. М. 1958. С. 89.
- Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. СПб., 2006. — 247 с.
- Шедевры и раритеты клинкового оружия из фондов музеев Санкт-Петербурга, художественных мастерских и частных коллекций. — СПб., 2004. — 320 с.

- Beyza'i B. *Namayesh dar Iran*. Tehran. 1965.
- Francklin W. *Observations made on a Tour from Bengal to Persia in the year 1786-87*. London. 1790.
- Khorasani M. M. *Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period*. Tübingen. 2006. 700 p.
- Lassy I. *The Muharram Mysteries among the Azerbaijan Turks of Caucasia*. Helsingfors. 1916.
- Litten W. *Das Drama in Persien*. Berlin und Leipzig. 1929.
- Lyell Th. *The Ins and Outs of Mesopotamia*. London. 1923.
- Morier. J. *Voyage en Perse, en Armenia et dans l'Asia mineure fait dans les années 1808 et 1809*. T.I. Paris, 1813.
- Sykes P. M. *The Glory of the Shia World*. London. 1910.
- Ta'ziyeh: *Ritual and Drama in Iran*. Ed. P. Chelkowski. New York: New York University Press, Soroush Press, 1979. 288 p.

References

- Adamova A.T. (2010). *Persidskie rukopisi, zhivopis' i risunok XV - nachala XX veka. Katalog kollektsii* [Persian manuscripts, paintings and drawings of the 15th - early 20th centuries. Collection catalog]. SPb., The State Hermitage Museum Publ. 512 p.
- Berezin I. (1952). *Puteshestvie po Severnoi Persii* [Traveling to Northern Persia]. Kazan'. 445 p.
- Bertel's E. E. (1988). *Izbrannye trudy. T. V. Istoriya literatury i kul'tury Irana* [Selected Works. Vol. V. History of literature and culture of Iran]. M. 560 p.
- Beyza'i B. (1965). *Namayesh dar Iran*. Tehran.

- Francklin W. (1790). *Observations made on a Tour from Bengal to Persia in the year 1786-87*. London.
- Gaffarov M. A. (1974). *Persidsko-russkii slovar'* (Persian-Russian Dictionary). Moscow.
- Gordlevsky, V. A. (1928). Dni mokharrama v Konstantinopole [Days of Moharram in Constantinople]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografy* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography], vol. VI, pp. 167-172. Leningrad.
- Gor'ky A. M. (1898). Prazdnik shiitov [Shiite Festival]. *Nizhegorodskii listok* [Nizhny Novgorod Paper], June 28 and July 5, 1898.
- Holodnoe oruzhie v sobranii Rossijskogo jetnograficheskogo muzeja [Edged weapons in the collection of the Russian Ethnographic Museum]. SPb., 2006. 247 p.
- Hozhdenie kupca Fedota Kotova v Persiju [The travel of merchant Fedot Kotov to Persia]. Moscow, 1958.
- Istomin I. (1961). Putevye zametki. Prazdnik Shah-Hosejn v mestechke Kuba Bakinskoj gubernii [Travel notes. Shah Hossein holiday in the Cuba of the Baku province]. *Kavkaz* [Caucasus], № 41.
- Ivanov A. A. (1972). Kol'co Shah-Dzhahana [Shakh-Jahan Ring]. *Soobshhenija Gosudarstvennogo Ermitazha* [State Hermitage Museum Reports], vol. XXXIV, pp. 25-29. Leningrad.
- Khorasani M. M. (2006). *Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period*. Tübingen 700 p.
- Krimskij Ag. (1925). *Pers'kij teatr, zvidki vin uzjav's' i jak rozvivav's'* [Persian theater, where it came from and how it developed]. Kiev.
- Lassy I. (1916). *The Muharram Mysteries among the Azerbaijan Turks of Caucasia*. Helsingfors.
- Litten W. (1929). *Das Drama in Persien*. Berlin und Leipzig.

Lyell Th. (1923). *The Ins and Outs of Mesopotamia*. London.

Holodnoe oruzhie narodov Blizhnego Vostoka v kollekcijah MAJe // *Obrazy i znaki v tradicijah Juzhnoj i Jugo-Zapadnoj Azii*. — SPb.: MAJe RAN, 2015. — S. 358 – 537.

Malozyomova E. I. (2015). Holodnoe oruzhie narodov Blizhnego Vostoka v kollekcijah MAE [Edged weapons of the peoples of the Middle East in the MAE collections]. *Obrazy i znaki v tradicijah Juzhnoj i Jugo-Zapadnoj Azii* [Images and signs in the traditions of South and South-West Asia], pp. 358 - 537. St. Petersburg, MAE Publ.

Marr S. M. (1970). Moharram (shiitskie misterii kak perezhitok drevnih peredneaziatskih kul'tov) [Moharram (Shiite Mysteries as a Remnant of Ancient Near-Asian Cults)]. *Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii. T. XXVI. Tradicionnaja kul'tura narodov Perednej i Srednej Azii* [Collection of articles of the Museum of Anthropology and Ethnography. T. XXVI. Traditional culture of the peoples of Near and Central Asia], pp. 313-366. Leningrad.

Morier. J. (1813). *Voyage en Perse, en Armenia et dans l'Asia mineure fait dans les années 1808 et 1809*. Vol. I. Paris.

Orbeli I. A. (1956). *Armjanskij geroicheskiy jepos* [Armenian heroic epic]. Erevan.

Piotrovskij M. B. (2001). *O musul'manskom iskusstve* [On Muslim Art]. SPb., The State Hermitage Museum Publ.

Rak I. V. (1998). *Mify Drevnego i rannesrednevekovogo Irana* [Myths of Ancient and Early Medieval Iran]. SPb., Moscow. 558 p.

Rezvan M. E. (2011). *Koran v sisteme musul'manskih magicheskikh praktik* [Koran in the system of Muslim magical practices]. SPb. 220 p.

Shedevry i raritety klinkovogo oruzhija iz fondov muzeev Sankt-Peterburga, hudozhestvennyh masterskih i chastnyh kollekcij [Masterpieces and rarities of blade weapons from the collections of museums in St. Petersburg, art workshops and private collections]. SPb., 2004. 320 p.

- Strejs Ja. (1935). *Tri puteshestvija* [Three travel]. Moscow. 416 p.
- Sykes P. M. (1910). *The Glory of the Shia World*. London.
- Ta'ziyeh: Ritual and Drama in Iran. Ed. P. Chelkowski. New York: New York University Press, Soroush Press, 1979. 288 p.
- Tresidder J. (1999). *The Complete Dictionary of Symbols*. Oxford: Helicon, 1997 (Rus. ed.: Tresidder J. Slovar' simvolov. M., 1999. 448 p.).
- Veselovsky N. (1907). *Eshche ob ossuariyakh. Otdel'nyi ottisk iz zapisok Vostochnogo Otdeleniya Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva. T. XVII* [More about ossuaries. A separate print from the notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society. Vol. XVII]. SPb.
- Vostochnoe oruzhie. Pamyatniki material'noi kul'tury [The eastern weapons. Monuments of material culture]. Baku, 1989.